

Аманова Г. А.
г. Москва, Россия

СПЕЦИФИКА ВОССОЗДАНИЯ КОРЕЙСКОЙ СИМВОЛИЧЕСКОЙ ОБРАЗНОСТИ В ПЕРЕВОДАХ АННЫ АХМАТОВОЙ

Анна Ахматова мастерски перевела практически неизвестную русскому читателю классическую корейскую поэзию, сохранив чрезвычайно важную для нее традиционную символику, связанную с китайской мифологией и историей. Горы в ней – символ вечности, вода, облака – символы изменчивости и необратимости времени, растения, птицы – краткости жизни. Но Ахматова могла и приблизить экзотический текст к восприятию русского читателя, и использовать важный для нее самой прием недоговоренности (принцип «тайны»).

Ключевые слова: экзотическая поэзия, точный перевод, символ, горы, поток, цветы.

Символика в культуре дальневосточных стран играла ключевую роль во всех видах искусства. Поэзия, проза, живопись, прикладное искусство выработали устойчивые символы и образы, которые носили универсальный характер и со временем обрели статус художественного канона.

Наглядное представление о символичности корейской культуры дал сборник «Корейская классическая поэзия», вышедший в переводах Анны Ахматовой в 1956 г. и переизданный через два года. Он стал первым столичным изданием, который знакомил русского читателя со столь далекой и экзотичной поэзией¹.

Приступая к работе над сборником, Ахматова не могла опереться ни на один научный источник, дающий представление о национальной художественной традиции и ее классических жанрах. В эти годы о корейской художественной литературе читателям практически ничего не было известно. Статья Пак Тен Сика «Литература Кореи» в «Большой советской энциклопедии», изданной в 1953 г., давала общее представление о ней с точки зрения догматического советского литературоведения.

В этой ситуации помощь корееведов была крайне необходима переводчикам. Состав сборника «Корейская классическая поэзия» и его композиция были предложены профессором А.А. Холодовичем и кафедрой корейской филологии Ленинградского государственного университета. Отбор производился строго по принципу включения произведений, написанных на корейском языке (многие корейские поэты боль-

шую часть своих произведений писали на китайском). Подстрочные переводы были выполнены А.А. Холодовичем и сотрудниками кафедры П. Паком, Лим Су и М. Никитиной.

Несмотря на сделанные корееведами подстрочники все же многое, если не главное, зависело от интуиции Анны Ахматовой как переводчика, ее таланта, способности уловить тончайшие нюансы, национальную специфику в инокультурном тексте. В этом смысле она находилась в позиции не только исследователя, но и первооткрывателя. Так, трехстрочные (с цезурой) сиджо были переведены ею на русский язык шестистишиями. Силлабический и тоновой (не тонический!) размер корейского стиха передавался на русский язык главным образом традиционными силлаботоническими размерами, лишь немного был задействован дольник [8:82-98]². В стихах корейских поэтов отсутствовала рифма, это обстоятельство давало переводчику большую свободу и в то же время позволяло сделать перевод особенно точным.

Традиционные символы, выступая зачастую вместо конкретных образов, позволяли художнику обобщать, передавать определенные понятия, фиксировать отношение автора к окружающему миру. Среди системообразующих символов корейской поэзии выступают горы – символ вечности; вода, поток, облака – символы изменчивости и необратимости времени, растения, птицы – краткости жизни. В стихотворении Хван Чин И (1506-1544) мы встречаем эти символы, которые отражают философское отношение поэта к миру:

¹ Одновременно в Алма-Ате вышел сборник «Корейские шестистишия. Перевод А. Жовтиса, П. Пак Ира» (отдельные переводы печатались в журнале «Дальний Восток» (1954. № 5; 1956. № 3).

² Значительно более разнообразным (даже почти на треть рифмованным) - и тем самым более далеким от оригиналов - был стих первых переводов А.Л. Жовтиса [7:202-208]. Впоследствии Жовтис стал переводить корейские стихи главным образом безрифменным 5-стопным ямбом [8:98-102], в жанре сиджо - почти исключительно им.

Гора всегда одна и та же.
Река изменчива всегда;

Она струится неустанно,
И ей не обратиться вспять.

И человек реке подобен –
Уйдет и не вернется вновь.

[5:169]

Идея вечности мира выражена в образе горы, идеи движения и необратимости времени – в потоке воды, мимолетности всего живого на земле – в сожалениях поэта о неизбежности конца жизни человека. Анна Ахматова сохранила иерархию в композиции традиционной символики, которая разворачивалась именно с самой высокой точки в картине к более мелким и незначительным объектам.

В традиционной живописи в жанре «горы и воды» 山水 этот приём предстает наглядно. Гора или холм занимают наибольшее пространство в картине, подчеркиваются их величественность, незыблемость, вечность, реки всегда текут у подножья гор или спускаются с высот в низины, как бы признавая силу и могущество гор, которые могут преградить их путь или поменять их течение, и лишь третий образ, если он присутствует в картине, занимает подчиненное, подчеркнута скромное место. Обычно это устало плетущийся путник, летящая птица или беззащитный цветок – образы, передающие идею краткости и мимолетности жизни.

В произведениях корейских поэтов горы – наиболее частый образ, слово «горы» в сборнике упоминается 55 раз. Наряду с этим 5 раз встречаются «скалы», 4 – «холмы», 2 – «утесы». По паре раз поэты употребляют еще сочетания «горные вершины» и «зеленые горы». В переводах сохранены 16 названий корейских гор. По частотности употребления превзошла «горы» лишь «луна», которая появляется 64 раза. Даже «солнце» и «звезды» не могут тягаться с «луной», их поэты отмечают лишь 19 и 8 раз.

Среди водных стихий первенство принадлежит «реке», которая упоминается поэтами 45 раз. За ней следуют «море» (13)³, «озеро» (10), «ручей» (4), «родник» (1) и «пруд» (1).

Цветы, связанные с сезонами, стали символами быстротечности, необратимости времени и неизбежности конца всего живого. Но и хризантемы – символ стойкости в холодную пору – встречаются в стихотворении Ан Мун Ёна (середина XIX в.⁴):

О хризантема! Объясни, зачем
Так ненавидишь ты весенний ветер?

«Замерзну лучше, – отвечал цветок, –
В простой ограде под студеным ливнем,

Но не хочу с другими я делить
Восторг пред торжествующей весною».

[5:200]

Однако цветы в паре с птицами в традиционной культуре олицетворяют гармонию в природе. Особенно большую популярность они получили в китайской живописи в жанре «цветы и птицы» 花鸟. В росписях по фарфору, художественной вышивке и других прикладных искусствах это устойчивый символ идеального мира. В той же функции могли выступать бабочка и цветы, которые не могут существовать в природе друг без друга. В стихотворении неизвестного поэта есть строки:

Цветок, ты бабочку не отвергай,
Летящую к тебе с такою верой!

И нужно ли тебе мне объяснять,
Как мимолетно вешних дней сиянье.

[5:281]

Хотя цветы занимают одно из центральных мест в поэзии, упоминаются они гораздо реже, чем «горы» и «воды», всего не больше трех десятков раз. 22 раза поэты просто дают обобщенное, неконкретное – «цветы». Помимо этого по частотности ведущее место занимают «хризантемы» и «лотосы», которые упоминаются по 6 раз; лишь дважды – «орхидеи» и один раз – «роза».

Птицы и связанные с ними цветочные символы также получили отражение в переводах Анны Ахматовой. В стихотворении неизвестного поэта читаем:

Черен ворон или бел,
Цапля белая черна ли,

Длинны ль ноги журавля,
Коротки ль утячьи лапки –

Обо всем об этом мне
Пересуды надоели.

[5:244]

³ Большая часть территории Кореи омывается морями. Но в поэзии преобладают влияние китайских авторов, больше знакомых с материковой сушей.

⁴ В комментариях Н.В. Королевой опечатка – «XIV.» [2:870].

В корейской культуре символика черного цвета несет негативное значение. Так, черный ворон – это ложь, цапля белая – правда. Если эти бинарные образы несли идею противоборства, то образы журавля и утки читались совсем по-другому. Журавль в таблице гражданских классов в Китае и Корее представлял собой первый, высший чин чиновника, а утка – седьмой ранг. Таким образом, речь идет об интригах чиновников, которые погрязли в сплетнях.

В сборнике переводов Ахматовой мир птиц наиболее разнообразен. Корейские поэты всего четыре раза используют слово «птицы», предпочитая все же конкретизировать этот образ. По частотности первое место занимает «чайка», она встречается 13 раз. Далее следуют «журавль» и «сокол», которые упоминаются по 7 раз, за ними – «кукушка» и «цапля»: по 6 раз. За «петухом», который встречается 5 раз, следуют «утка» и «ворона», которых упоминают по 4 раза. Если трижды мы встречаем здесь «иволгу» и дважды «гуся», «фазана» и «орла», то остальных пернатых – «соловья», «ястреба», «грифа», «воробья», «пичужку», «жаворонка», «павлина», «феникса», «ласточку», «сову» и «цыпленка» – корейские поэты вспомнили всего лишь по одному разу.

Образ-символ, связанный с историческими персонажами или легендарными героями, мифами Китая, выполнял роль аллюзии. Например, у поэта Ли Чи Рана (конец XIV – начало XV в.) есть стихотворение:

Тигр, ревуший на чуских высотах,
И дракон из глубоких болот

Вихрь рождает и тучи наводят, -
Так играет их яростный дух.

Только циньский олень одинокий
Сам не знает, что делать с собой.

[5:61]

«Под драконом и тигром подразумеваются Лю Бан и Сян Юй. Лю Бан – один из вождей крестьянского восстания, под ударами которого пала Циньская империя (Китай, 246-207 гг. до н.э.); Сян Юй – полководец и фактический правитель княжества Чу; соперник Лю Бана в борьбе против Циньской империи. <...> «Циньский олень одинокий» – образ оставшегося в одиночестве и обреченного на гибель врага». Стихотворение поэт написал в эпоху смены династий в Корее, как отмечал А.А. Холодович [5:299].

К этому комментарию хотелось бы добавить уточнение, что тигр в таблице о классах военных в Китае значился как военачальник четвертого ранга. Знаки различия высших и старших военных и гражданских чинов уже бытовали в китайских империях Мин и Цин (конец XIV – начало XX в.) и в современных им монархиях Кореи (династия Чосон) и Вьетнама. Обычно эти знаки различия находились на квадратных нашивках (буфанах) на груди форменного халата. На нашивке изображалось то и или иное реальное либо фантастическое животное, отражавшее ранг носителя. Таким образом, если образ дракона был призван передать общее представление о храбрости и могуществе вождя восставших, то образ тигра имел под собой конкретную мотивацию.

Кроме символических «олень», «тигра» и «дракона» в сборнике предстаёт еще ряд обитателей животного мира. Помимо обобщающего слова «скотина» есть «заяц», «мышь», «осел», «собака», «вол», «конь» («лошадь»), «бычок», «волк», «гиена». Этот мир дополняют «жаба», «комары», «мухи», «пчелы», «ось», «улитка», «цикада», «паук», «кузнечик», «мотылек» («бабочка»), «удав», «гадюка», «скорпион», «стоножка», «букашка» и «краб».

Иногда Ахматова могла и приспособить перевод к восприятию русскоязычного читателя. Так, ей дали подстрочник стихотворения поэтессы XVI в. Сор И (что значит Сосна) «Говорят: «Сосна». Сосна какая?..»: «Говорят: сосна да сосна. А какую имеют в виду? Ту гордую и высокую, что на обрыве в тысячу цинь, – меня! Эх, серпы детишек мальчишек-дровосеков! Вам ли до меня добраться?» [2:864]. В Корее сосны низкорослые и кривые, для них и серпы представляют опасность. Ахматова убрала двойное снижение тех, кто угрожает сосне («детишек мальчишек...»), и заменила серпы на естественные для европейских дровосеков топоры: «Топоры мальчишек-дровосеков, / До меня не дотянуться вам!» [5:172]. Но символика при этом лишь усилилась, ведь речь идет о недоброжелателях Сор И, которые ей угрожают или пытаются ее унижить.

В древесном мире сборника «сосна» занимает ведущее место, она упоминается 22 раза. Иногда корейский поэт просто называет «деревья», «лес», «рощу», «сад», но чаще все же дает точное название. После «сосны» идет «ива», которая упоминается 12 раз, за ней – «слива» (4) и «клен» (3). Остальные деревья, такие как «удун», «тополь», «груша», «персик», «каштан» и «пунди», упоминаются лишь один раз. Среди растительно-

сти больше всего зеленеют «травы», которые упоминаются 17 раз, «камышы» – 4 раза, «бамбук» – 3 раза, «виноградная лоза» и «кусты» – по 2 раза. Встречаются «луга», «конопля», «плющ» и «папоротник». Дополняют растительный мир плоды «персика», «арбуза», «дыни», «тыквы», «огурцы». Среди этих плодов больше всего поэт предпочитает «тыкву», она упоминается 4 раза. Иногда это просто «плоды» и «овощи».

Комментариев к московскому изданию корейской поэзии было сделано гораздо больше, чем к алмаатинскому, но все же многие исторические и географические реалии остались в нем непрокомментированными [1:76]. И это оказалось в русле собственной поэзии Ахматовой. Она считала большим достоинством высокой литературы «тайну», недоговоренность, стимулирующую активное восприятие произведения читателем: «Недоста-

ток стихов Цветаевой – она все договаривает до конца» [3:478]. Даже роман Пушкина о Дубровском, будь он окончен, с ее точки зрения, был бы только «великолепное “что-то”», так как это, «в противоположность “Пик<овой> даме”, вещь без Тайны» [4:710], хотя в сюжете там как раз тайна есть (Дубровский выдает себя за француза). Отсутствие комментариев способствовало созданию ауры экзотичности вокруг еще совсем неизвестной русскому читателю поэзии и не перегружало переводы чисто информативным материалом.

Как видно даже из немногих примеров, поэтическое содержание переводов Анны Ахматовой, символика и другие образы давали представление о национальной художественной традиции, а реалии и предметный мир расширяли представление читателя о природе этой страны, о быте, нравах и характере корейского народа.

Список литературы:

1. Аманова Г. А. Исторические имена и реалии в корейской классической поэзии и в переводах А. Ахматовой // Художественная литература и история: контексты и взаимодействия. Материалы XI Международной научной конференции «Художественный текст и культура». Владимир: Транзит-ИКС, 2017. С. 70-77.
2. Ахматова Анна. Собр. соч.: В 6 т. Т. 8 (дополнительный). Переводы. 1950-1960-е годы / Сост., коммент., статья Н. В. Королевой. Подгот. текста Э. В. Песоцкого, Н. В. Королевой. М.: Эллис Лак, 2005. 1120 с.
3. Будыко М. И. Рассказы Ахматовой // Об Анне Ахматовой. Стихи, эссе, воспоминания, письма. Л.: Лениздат, 1990. С. 461–506.
4. Записные книжки Анны Ахматовой (1958-1966). М.; Torino: Giulio Einaudi editore, 1996. 851 с.
5. Корейская классическая поэзия / Перевод Анны Ахматовой. М.: Гослитиздат, 1958. 320 с.
6. Корейские шестистишия/ Перевод А. Жовтиса, П. Пак Ира. Алма-Ата: Казахское Государственное Издательство Художественной Литературы, 1956. 220 с.
7. Кормилов С.И., Аманова Г.А. Стих переводов А. Л. Жовтиса и П. А. Пак Ира из корейской поэзии // Проблемы поэтики и стиховедения. Международная научно-практическая конференция «Проблемы поэтики и стиховедения VIII»... Алматы: «Ұлағат»; КазНПУ им. Абая, 2018. С. 202-208.
8. Кормилов С. И., Аманова Г. А. Стих русских переводов из корейской поэзии (1950-1980-е годы). М.: Новое время, 2014. 208 с.

SPECIFICS OF RECONSTRUCTION OF KOREAN SYMBOLIC IMAGERY IN TRANSLATIONS OF ANNA AKHMATOVA

Anna Akhmatova masterfully translated the almost unknown to the Russian reader classical Korean poetry. She retained an extremely important for her traditional symbolism associated with Chinese mythology and history. The mountains in it are a symbol of eternity, water, clouds – a symbol of the variability and irreversibility of time, plants, birds – the brevity of the life. But Akhmatova could also bring the exotic text closer to the perception of the Russian reader. She used an important for her method – incomplete clarity (principle of the «secrecy»).

Key words: *exotic poetry, exact translation, symbol, mountains, stream, flowers.*